

Путь Палача (Беллатрикс).

Серые, грубо обтесанные камни... Вечный мрак подземелий Каэр Азкабан лишь слегка подсвечен умышленно ослабленным заклятьем света. Но, к счастью, постепенно уходит холод, исходящий Стражами Азкабана. И перед моим взором постепенно мутнеют и расплываются мучающие меня картины моего позора.

После ухода дементоров в соседнем участке, отделенном от моей «камеры» только решеткой, поднимается изможденная тень, постепенно перетекая из собачьей в человеческую. Это — еще одно унижение, изобретенное специально для меня тюремщиками. Хотя Азкабан разделен на мужскую и женскую части — ко мне, в качестве соседа бросили кузена Сириуса. И, хотя я и не слишком вписываюсь в образ леди... но и для меня не иметь возможности укрыться от мужского взгляда — унижительно. Но я выдержу. Я все выдержу. Я вырвусь отсюда, и тогда моя месть будет страшна!

— Что, Белла, плохо? — Раздался смешок со стороны моего соседа.

— Да уж получше, чем тебе, «Правая рука Темного лорда». — Насмехаюсь я в ответ. Уж я-то точно знаю, кто провел моего Лорда к этим прячущимся ничтожествам... и что Сириус здесь не при чем — тоже знаю.

— Ах ты!!! — Кузен чуть не взрывается... Но, в конце концов, это — не первый наш разговор, так что успокаивается Сириус быстро. — А о чем это ты там кричала? «Нет! Не делайте этого!» Неужели тебя так страшно пытали? — Сириус не в первый раз задает мне этот вопрос... но именно сегодня я почему-то решила ответить.

— Нет, в общем-то... Когда мне попадались в руки ваши — я их пытала, когда я попала в руки ваших — меня пытали, тут нет ничего такого... — Я усмехаюсь, глядя на перекошенное лицо Сириуса. Кажется, несмотря на все, с ним случившееся, он до сих пор верит в чистоту Сияющего Света. — Правила игры одни для всех. Тем более, что палач в аврорате — профессионал. Когда Темный лорд вернется — надо будет переманить Скалигсена к нам. Слишком уж он хорош, чтобы прислуживать этому дураку-министру.

— Скалигсен — палач?!

Сириус в глубоком ауте. И вправду, в седом старичке с доброй улыбкой — тяжеловато заподозрить одного из лучших палачей нашего времени, профессионала, до которого мне еще расти и расти.

— Именно, Сирниус. Именно. Палач. И один из лучших.

— Один из?

— Из тех, с кем я знакома, лучше — только сам Лорд. — Сириус встряхивает головой, явно пытаясь уложить в ней новые сведения. А потом усмехается. — Но все-таки, что же ты видишь, когда приходят дементоры? Кстати, что-то они у нас редковато появляются...

— Жалеешь об этом? — Я жестко усмехаюсь.

— Нет. Просто не понимаю. Хотя... наверное, от того, что ты называешь «счастливыми воспоминаниями» — даже дементор шарахнется. — Я на мгновение задумываюсь, а потом — резко киваю.

— Наверное, ты прав. — Челюсть Сириуса отпадает. Кажется, такого ответа он не ожидал. — Ну что же. За такую хорошую мысль, я, наверное, расскажу тебе... — И я погружаюсь в воспоминания.

...

Исполненный боли и страдания крик стих.

— Фините. Все. Они больше ничего не знают.

— Продолжай.

— Нет. Добиваем этих, и уходим. — Мне уже все совершенно ясно: кто бы не одолел Темного лорда, с этими, с позволения сказать, «мракоборцами», он явно не поделился своими планами.

— Продолжай, я сказал. Теперь, когда твой Лорд мертв, и не может мне указывать...

Я поворачиваюсь к этому ублюдку Родольфиусу... Кажется, сейчас я исполню свою мечту... Клятва, проклятый брачный обет, который меня вынудили дать, сопротивляется моему намерению... и это оказывается решающим фактором.

— Империио. — В голове становится пусто и легко. Выполнять приказы мужа — что может быть важнее для верной жены? — Продолжай.

— Да, мой муж. Круцио.

Лонгботтомы корчатся и кричат. Я неспешно вливаю Силу в заклинание Больше и больше Силы. Но вот, предел достигнут. Френк и Алиса падают, и в их глазах больше нет боли... но нет и разума. Овощи. Я довела допрашиваемых до сумасшествия...

Легкость, навеянная заклинанием — разлетается брызгами. Но на это уходит слишком много сил. И, когда авроры ожидаемо появляются — я не могу даже покончить с собой. А уж остальные Лестренджи и подавно не могут показать ничего достойного. Так что с десятком авроров во главе с Грозным глазом сражался, по сути, один только Крауч-младший. Проигрышная ситуация.

...

— Ну-ну. Тебя пожалеть? Невинная жертва правосудия... Хотя это иронично... Люциус отвертелся от отправки сюда именно утверждая, что был под Империиусом. А ты — на самом деле была. Ха!

— Чем ты слушал, тупая псина? Я пытала Лонгботтомов и до того, как этот ублюдок применил Империио. Я — убийца и палач. Я служила и буду служить Темному лорду. Я пролила столько крови, что хватило бы затопить эту камеру раз десять-пятнадцать... и это при том, что для пыток я всегда предпочитала Круцио, а для убийства — Аваду, а они не вызывают обильного кровотечения. Но вот довести допрашиваемого до сумасшествия... Это — позор. Знаешь, что было самой страшной пыткой, из тех, что применил ко мне Скалигсен?

— Нет, но хочу узнать. Чем это можно пронять Неистовую Беллатрикс?

— Он просто сидел рядом со мной и смотрел. А я — не могла поднять на него взгляд. Я оказалась недостойна... я... — Я хватаюсь руками за голову. Хочется кричать. И, похоже,

Сириус понимает это... хотя его и трудно заподозрить в душевной чуткости. Но он меняет тему.

— Любишь ты своего мужа, как я посмотрю.

— Люблю. Так люблю, что буду верно и преданно служить тому, кто сделает меня вдовой. Пусть даже это и будет означать необходимость отвернуться от Темного лорда... Клянусь!

— Ух ты! Кузина, а ты оказывается — очень сильная ведьма.

— О чем ты, Сириус?

— Магия слушается тебя даже без палочки.

Я смотрю туда, куда указывает Сириус... и вижу медленно гаснущую нить голубого цвета, обвившую мое запястье. Клятва услышана и засвидетельствована магией.

— Что ж. Я — не отрекусь. Как сказала — так и будет.

— И тебя не смущает то, что это будет скорее всего кто-нибудь со Светлой стороны?

— Ни капельки. Даже если он прикажет мне пустить себе в голову Редукто... или применить к себе Круцио... да что там, я и постель ему греть буду... только бы избавиться...

— Мда... Слышал бы тебя Антонин...

— Он знает.

— Знает? Но...

— Знает, но ничего не может поделать. Долг жизни. Семейный. Когда его отец бежал из плена во время войны с Гриндевальдом, его спас и укрыл отец Лестренджей, выполнявший какое-то задание Министерства на материке. А в качестве уплаты долга — потребовал клятву за себя и своих потомков не причинять вреда наследникам крови Лестренджей. Так что он и хотел бы... но не может. Он ведь и в Орден этот ваш жареный пытался вступить только для того, чтобы встретиться с моим мужем: лазейку для самозащиты его отец выторговал.

Под конец разговора в камере заметно похолодало. Но что происходит — я поняла только тогда, когда в моей голове зазвучала музыка... проклятая музыка. Приближались Стражи Азкабана, совершающие очередной обход. Сириус снова стал собакой, а я... я повалилась на пол, крича и созерцая кошмарные видения... видения собственной свадьбы.

<http://tl.rulate.ru/book/69516/1849738>